

АЛЕКСЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ЛЕВКОЕВ

кандидат исторических наук, независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
lea1991@mail.ru

«ФИНСКИЙ ФАКТОР» В СТАНОВЛЕНИИ КАРЕЛЬСКОЙ АВТОНОМИИ

Аннотация. В начале июня 1920 года по инициативе известного красного финна Эдварда Гюллинга, поддержанной высшим руководством Советского государства, в составе РСФСР из населенных карелами приграничных с Финляндией местностей Олонецкой и Архангельской губерний была образована Карельская трудовая коммуна (КТК), просуществовавшая до конца июля 1923 года. Несмотря на высокую степень изученности этого этапа карельской автономии, характеризующегося в историографии как этап ее становления, ряд важных вопросов требует уточнений и дополнений, а также, пожалуй, известного смещения акцентов. Один из таких затронутых в настоящей статье вопросов имеет отношение к целям, которые преследовал Гюллинг и его соратники, участвуя в создании и управлении КТК. Другие – к альтернативным вариантам карельской автономии и связанной с этим борьбы за власть между красными финнами и представителями местной, главным образом олонекской по своему происхождению, советской и партийной бюрократии.

Ключевые слова: «финский фактор», красные финны, карельская автономия, Карельская трудовая коммуна, Гюллинг, Куджиев

Для цитирования: Левкоев А. А. «Финский фактор» в становлении карельской автономии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.619

9 июня 1920 года в центральной советской газете «Известия» от имени ВЦИК было опубликовано, без указания даты принятия, постановление об образовании в «населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке статьи 11 конституции» РСФСР «областного объединения» – Карельской трудовой коммуны (КТК). Целью образования провозглашалось «укрепление борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии». Незамедлительной подготовкой съезда Советов КТК для «определения организации» органов ее власти предстояло заняться «Комитету» (революционному комитету – ревкому) в составе «Эдуарда Кюллинга» (Эдварда Гюллинга), «Якова Мякки» (Яакко Мяки) и Василия Куджиева¹.

Принципиальной основой решения по КТК являлось так называемое «Предложение о Карельской коммуне», несколькими месяцами ранее, как принято считать, отправленное из Стокгольма в Москву на рассмотрение высшего руководства Советской России членом Стокгольмского бюро финляндской компартии (КПФ) и Северного бюро (Скандинавской комиссии) Коминтерна Гюллингом. Документ определял две основные взаимосвязанные цели. Одна из них – непосредственная – заключалась в предотвращении возможного отделения от Советской России и последующего вероятного вхождения в состав

Финляндии не только отдельно взятых приграничных, «населенных карелами», но и соседних вепских, русских и саамских «местностей» Олонецкой и Архангельской губерний по линии: Ладожское озеро – р. Свирь – Онежское озеро – Белое море, включая Кольский полуостров (так называемая «естественная» граница). Другая, рассчитанная не менее чем на перспективу реванша за поражение финляндской революции 1918 года, предполагала развитие Карельской коммуны под руководством финских коммунистов в качестве своего рода «краснофинского» квазигосударства [2: 257–259], [10: 170–171], [16: 347–349].

Относительный успех в достижении непосредственной цели образования КТК зафиксировал подписанный 14 октября 1920 года советско-финляндский Тартуский мирный договор. Фактор коммуны повлиял на то, что финляндская делегация в самом начале четырехмесячных переговоров воздержалась от выдвижения претензий на выше указанную «естественную» границу, в конце концов отказалась от требования провести под международным контролем в приграничных «карельских местностях» двух губерний голосование за или против присоединения к одной из двух республик, а также согласилась «возвратить» Советской России в течение 45 суток Ребольскую и Поросозерскую волости, которые включались в состав «Восточно-Карельской

автономной области, образованной карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний и имеющей право национального самоопределения». Две ребольско-поросозерские статьи (10 и 11) в сочетании с дипломатическим ребрендингом июньского постановления о КТК и ряда принятых в Петрозаводске и Москве в его развитие летом – осенью 1920 года иных постановлений, резолюций и воззваний связали с договором два согласованных сторонами протокольных заявления советской делегации, в подготовке которых мог, по крайней мере косвенно, участвовать Гюллинг, – о самоуправлении «Восточно-Карельской автономной области» и относительно «Реполы и Поросозера». Финляндская делегация категорически возражала против названия «Карельская трудовая коммуна» и не признавала таковую релевантной формой национального самоопределения «восточных карел» [8: 314–444], [11: 119–142], [12: 280–314], [14: 45], [15: 328–370].

К моменту заключения Тартуского мирного договора КТК, согласно классификации наркома по делам национальностей И. Сталина в опубликованной 10 октября 1920 года газетой «Правда» статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России», относилась к категории «узких административных автономий». Перефразируя одно существенное наблюдение автора, «некоторые товарищи» не только в Архангельске и Петрозаводске, но и в Петрограде и Москве видели в КТК «временное, хотя и необходимое зло, которое нельзя было не допустить ввиду некоторых обстоятельств, но с которым нужно бороться, чтобы со временем устранить его»².

Для Архангельска появление КТК оказалось действительно временным и сравнительно небольшим «злом». Все свелось к переподчинению основной части «заморского» Кемского уезда, соединенного недавно построенной Мурманской железной дорогой с Петрозаводском и Петроградом. С апреля 1920 года этот уезд находился в зоне агитационной деятельности возглавляемого Мяки Карело-Мурманского отделения Центрального бюро финских организаций (ЦБФО) РКП(б), а в мае – июне 1920 года карельские волости уезда были заняты финским 6-м полком РККА, разгромившим здесь так называемую «Ухтинскую республику». Уездный город Кемь успел побыть временным местом пребывания ревкома коммуны и рассматривался в качестве ее административного центра. Расчеты на присоединение к КТК соседнего Александровского уезда (Кольский полуостров) или его части не оправдались [7: 35], [10: 176–178], [13: 91].

Олонецкая губерния уже через месяц после «разрешенного» ее губисполкомом и «санкци-

онированного» новоявленным ревкомом «1-го Всекарельского съезда» (1–3 июля 1920 года), «приветствовавшего» образование КТК³, была «раскассирована»⁴ первый раз – лишена своей коренной северо-западной части вместе с губернским городом Петрозаводском. Вскоре ее переучредили на оставшейся территории в силу неприемлемости присоединения остатка к коммуне и невозможности раздела между соседними губерниями в той ситуации, а Петрозаводск сделали центром двух администраций и объединенного Карельско-Олонецкого комитета РКП(б). Среди губернских партийных и советских служащих, лидером которых был председатель старого и нового губисполкома Петр Анохин, долго сохранялись надежды на «изменения обстоятельств, побудивших создать такие искусственные объединения», как КТК [3: 117]. Вынашивались планы либо вернуть коммуну на южном и центральном участках в пределы «населенных карелами мест» с переносом административного центра из Петрозаводска в Сороку или Кемь, либо, «не меняя вывески и сохраняя название “Карельская трудовая коммуна”, слить два административных образования и слить аппараты» [6: 6] (имели место даже разговоры о возможности уступки Финляндии ряда центральных и северных карельских волостей [4: 80]). «Слухи» о намерениях «из простой голодной Олонии» сделать «буфер», «Карельский интернационал», «аванпост» и т. д. в целях «революционизирования Финляндии и Скандинавии» [1: 115] не могли быть приняты к исполнению без подтверждения и соответствующих указаний со стороны ЦК РКП(б) [1: 102–106, 114–115], [2: 122–126], [4: 52–55, 80].

В октябре 1920 года, когда началось «распределение и раздвоение органов управления» Олонецкой губернии, в 19 финских коллективах РКП(б) трех уездов КТК насчитывалось 322 члена⁵, немалая часть которых занималась организацией советской власти и агитацией в карельских волостях. Приравненный по своим полномочиям к губисполкому, расширенный и преимущественно карело-финский по составу ревком коммуны к концу года имел «удовлетворительную» связь с Кемским уездом и едва налаженную – с Олонецким и Петрозаводским уездами [2: 124–125]. В самом Петрозаводске под управлением красных финнов находился образованный постановлением СНК РСФСР от 14 октября 1920 года Совнархоз коммуны, а также финская секция Карельского отдела народного образования (КОНО)⁶. Без малого год спустя Куджиев так охарактеризовал эту пору: «Мы с Гюллингом писали декреты – им не подчинялись...»⁷.

Результаты восьми месяцев существования КТК подытожил, закрепил и развил 1-й Всекарельский съезд Советов (11–18 февраля 1921 года). Еще одной его немаловажной задачей, по всей видимости, была имитация «народного представительства», упомянутого в п. 3 советского заявления в Тарту «О самоуправлении Восточно-Карельской области». Гюллинг, избранный председателем областного исполнительного комитета (ОИК) – органа «верховной власти» в межсъездовский период [2: 201], в целом положительно оценивал значение этого съезда, «принявшего много важных решений»⁸. Среди прочего – утверждение разработанных с участием норвежского социал-демократа Х. Лангсета «основных принципов хозяйственного строительства», 26 апреля 1921 года закрепленных двумя «особо важными постановлениями» СНК и СТО РСФСР⁹ (предполагалось, но не состоялось принятие третьего, «дополнительного декрета с разъяснениями»¹⁰).

Как почти весь состав «наделенного широкими полномочиями» ОИК, так и почти вся остальная «коммунарская» бюрократия были, разумеется, олонечского происхождения. Гюллинг рассчитывал опереться на немногочисленный карельский «руководящий элемент», который «пытается вовлечь карел в советское строительство». Мяки же считал главным, чтобы «большинство», вне зависимости от национальности, выступало за коммуну. Как бы то ни было, из «двух финнов и одного карела», назначенных в первый состав ревкома КТК в том числе и «для завоевания доверия карел»¹¹, лидером нарождавшейся «коммунарской» бюрократии стал Куджиев – коренной олончанин, карел-ливвик, не просто один из основных руководителей КТК и объединенной Карельско-Олонечкой организации РКП(б), но хорошо образованный, опытный и амбициозный политический деятель, председатель Олонечского губернского Совета в 1917 году (с явным удовольствием принявший в апреле 1920 года предложение олонечских властей вернуться из Москвы на родину, чтобы возглавить агитпропотдел Олонечского губкома РКП(б)) [5: 17]. Отзыв из Петрозаводска весной 1921 года Анохина несомненно способствовал расширению и усилению влияния Куджиева, вокруг которого начала складываться так называемая «русско-карельская оппозиция».

Куджиев не сомневался в «экономической» возможности и «политической» необходимости КТК, а также целесообразности участия красных финнов в ее руководстве¹². Он считал достаточной «автономию», установленную политически на «1-м Всекарельском съезде» в июле 1920 года, экономически – «декретом» Совнар-

кома от 26 апреля 1921 года «о руководстве всей экономической жизни Карелии ее Экономическим советом», и в культурном отношении осуществляемую в «формах свободного развития русской и финской культуры в зависимости от желания тех или иных групп граждан»¹³. КТК как таковая «уже являлась буфером»¹⁴ между двумя странами, а «после образования финляндской советской республики» ей «пришлось бы иметь две экономические границы» – русскую и финскую и «соприкасаться» с русской и финской «культурами»¹⁵.

Разногласия между Гюллингом и Куджиевым обострились в конце лета – начале осени 1921 года в контексте тяжелейшего экономического положения КТК и кризиса советско-финляндских отношений, вызванного первой, если не считать ребольско-поросозерского осложнения несколькими месяцами ранее, попыткой Финляндии заявить претензии на контроль «за проведением в жизнь автономии Восточной Карелии»¹⁶. Позиция Гюллинга ослаблялась внутренними противоречиями финляндской коммунистической эмиграции: некоторые руководители КПФ и ЦБФО разделяли, скорее, куджиевскую точку зрения на перспективы развития КТК. Дело дошло до постановки Гюллингом и О. Куусиненом перед ЦК РКП(б) вопроса о целесообразности дальнейшего нахождения красных финнов в руководстве коммуны и намерении Гюллинга оставить пост председателя ОИК [7: 43–44], [11: 143–150], [13: 99].

Куджиев, напротив, проявлял уверенность в своих силах. Он иронизировал насчет чрезмерной первоначальной «резвости» красных финнов и приобретенного Гюллингом «необходимого советского консерватизма, несмотря на свою инициативу создания КТК»¹⁷. Под председательством Куджиева 2-й Всекарельский съезд Советов (1–3 октября 1921 года) проигнорировал направленный из НКВД РСФСР проект резолюции о просвещении карельского населения, предполагавший издание карелоязычной печатной продукции, а также использование карельских диалектов в деятельности органов власти КТК [7: 44]. В конце ноября 1921 года Куджиев возглавил Карельский обком РКП(б)¹⁸ – вскоре после разделения Карельско-Олонечкой партийной организации, которого Гюллинг и Мяки добивались почти год.

Извлечь очередной урок вынудило разраставшееся Карельское восстание. Комиссия в составе В. Гурьева, Гюллинга и Куджиева 8–13 декабря 1921 года подготовила «подробный доклад» и «проекты предложений» по расширению «хозяйственной автономии», которые были одобрены обкомом РКП(б) и отправлены на рассмотрение ВЦИК¹⁹. Речь шла о провозглашении КТК автономной республикой и заключении двусторон-

него договора с РСФСР. В ведении центральных властей должны были остаться безопасность (охраняющая границу ВЧК – в двойном подчинении), финансы, внешняя торговля, управление Мурманской железной дорогой, а также почта и телеграф. Куджиев возражал против смены названия и настаивал на минимизации договорных начал, хотя в целом поддерживал расширение автономных прав. Гюллинг считал, что в случае реализации этих предложений, поддержанных НКВД РСФСР, Карелия становилась «самой автономной из всех автономных республик» Советской России, «приближающейся по своему положению к таким независимым республикам, как Грузия и Азербайджан»²⁰ [1: 99–100], [4: 77], [9: 239].

Для Гюллинга, однако, формального расширения политических и экономических прав КТК уже было недостаточно: из радикальной ситуации вытекали радикальные оценки и решения. Поскольку восстание показало, что «карельский вопрос и вопрос о финляндской революции тесно связаны», что коммуна лишь в самой минимальной степени достигла поставленных при ее образовании целей, оставаясь прежде всего в глазах карел «русской губернией», а «не независимой Карельской трудовой коммуной», требовался пересмотр всей прежней национальной политики – «заметно ощутимый поворот кормила влево» под лозунгом «Через карельский национализм – к коммунизму»²¹. В первую очередь следовало ввести обязательное применение карельского и финского языков в устной и письменной форме в «учреждениях» карельских местностей, вплоть до запрета на замещение должностей без владения этими языками и предания виновных в нарушении соответствующего постановления революционному трибуналу²², а также выделить финской секции КОНО 1/3 средств его бюджета. Кроме того, на руководящую работу в КТК следовало направить ряд влиятельных представителей ЦК КПФ и ЦБФО²³.

Радикальные инициативы Гюллинга, поддержанные петрозаводским финским коллективом РКП(б), практически исключали компромисс в руководстве КТК, тем более что Гюллинг подкреплял их угрозой своей отставки. Развивая серию «различных мелких», по словам Куджиева, «совещаний» в Петрозаводске²⁴, к выяснению отношений конфликтующих сторон подключились ЦБФО РКП(б) и Северо-западное бюро ЦК РКП(б) в Петрограде, а также Оргбюро ЦК РКП(б) в Москве²⁵. Решение последнего от 6 марта 1921 года обязывало выделить на финноязычную «просветительскую работу» 1/3 бюджета КОНО, «ввести» финский язык «в учреждениях Карелии... наравне с русским», направить в КТК А. Шотмана, А. Нуортева, Х. Эклунда

и Э. Рахья, а также «мобилизовать для работы в КТК карел-коммунистов из Тверской и Новгородской губерний». Вместе с тем «все хозяйственные предложения КТК» подлежали согласованию в Северо-западном ЭКОСО, а «вопрос о выделении КТК в автономную республику» был «временно» отложен [9: 288–289].

Куджиев, заручившийся поддержкой 1-й областной партийной конференции (15–20 марта 1922 года), провалил кандидатуру Гюллинга на выборах в обком партии, в очередной раз утвердил собственное понимание принципа равноправия русского и финского языков, хотя и не без некоторых уступок своим оппонентам, и попытался воспрепятствовать долевого распределению бюджета КОНО²⁶. По словам бывшего в Петрозаводск Нуортева, Сталин обвинил Куджиева в «русификаторских тенденциях», а «Ленин был недоволен провалом» Гюллинга²⁷. На основании постановления ЦК РКП(б) от 10 апреля 1921 года Куджиев был отозван из КТК в распоряжение Сибирского краевого бюро партии. Почти одновременно секретарем Северо-западного бюро ЦК РКП(б) вместо И. Смирнова, поддерживавшего Куджиева против Гюллинга, стал Б. Позерн²⁸.

Сторонники Куджиева не смогли добиться его возвращения, найти ему достойную замену и предпринять какие-либо реальные действия, чтобы, как говорилось, «свалить Гюллинга и урезонить финнов». Опасения на этот счет, имевшие место в преддверии 2-й областной партконференции (28 сентября – 2 октября 1922 года), не оправдались. Позерн в своих письмах в ЦК РКП(б) и лично Сталину отмечал, что конференция «помогла установить... небольшую группу обрусевших карел», которые «не могут примириться с утратой власти». Такие «сплошь послеоктябрьские коммунисты» явно не шли ни в какое сравнение с «Шотманом, Нуортева, Гюллингом» – «прямо-таки роскошью для области с населением в 150 тыс., оправданной лишь особыми задачами, возложенными на Каркоммуну»²⁹. В результате «правильного решения национального вопроса» партийной конференцией, докладывал в ЦК РКП(б) секретарь Карельского обкома партии И. Ярвисало, «без всяких дефектов»³⁰ прошел 3-й Всекарельский съезд Советов (2–7 октября 1922 года) [1: 175–186], [4: 79–82], [7: 49].

Известную необратимость перемен символизировало полное «раскассирование» Олонецкой губернии в сентябре 1922 года. КТК вынужденно досталось «полтора уезда» – Повенецкий и часть Пудожского. Оценивая возможные последствия, Гюллинг еще в начале июля 1922 года полагал, что, несмотря на увеличение доли рус-

ского населения до 50 % и более (против прежних 35 %), «никакого значительного изменения политики не произойдет», «нынешнее направление политики КТК не нуждается в коррекции», тем более что «Пудожский уезд будет принят временно». По сравнению с этим гораздо более значимой в демографическом и политическом отношении являлась проблема «14–15 тысяч» карел-беженцев в Финляндии³¹.

С отзывом Куджиева, дезорганизацией его сторонников и ликвидацией Олонецкой губер-

нии завершался этап становления карельской автономии. По сути, Карельская трудовая коммуна явилась испытательной формой «краснофинского» квазигосударства Гюллинга, которое за два года доказало свою внешнеполитическую полезность для Советской России, вытеснив в значительной мере благодаря этому альтернативные варианты «советской автономии». Повестка дальнейшего развития уже содержала пункт о республиканской форме, ее параметрах и подходящем для смены моменте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Известия. 09.06.1920.
- ² Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос: Сборник статей и речей. М., 1936. С. 60, 62.
- ³ Олонецкая коммуна. 12.06.1922; 22.06.1920.
- ⁴ Центральный государственный архив историко-политической документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 511. Л. 79.
- ⁵ Там же. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11651. Л. 86.
- ⁶ Kansan Arkisto, Helsinki (Народный архив, Хельсинки). mf 74 1B SKP 1918–1944. F6 Koriokokoelma 1993 MF74.
- ⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.
- ⁸ Kansan Arkisto, Helsinki (Народный архив, Хельсинки). mf 74 1B SKP 1918–1944. F6 Koriokokoelma 1993 MF74.
- ⁹ Гюллинг Э. Десять лет Карельской автономии // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 62.
- ¹⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11807. Л. 21.
- ¹¹ Kansan Arkisto, Helsinki (Народный архив, Хельсинки). mf 74 1B SKP 1918–1944. F6 Koriokokoelma 1993 MF74.
- ¹² ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.
- ¹³ Коммуна. 4.10.1921.
- ¹⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.
- ¹⁵ Там же. Д. 19. Л. 131.
- ¹⁶ Майский И. Внешняя политика РСФСР. М.: Главполитпросвет, 1923. С. 85.
- ¹⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.
- ¹⁸ Там же. Л. 92.
- ¹⁹ Там же. Л. 95, 97, 98.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11807. Л. 20, 21.
- ²¹ Там же. Л. 17–19.
- ²² Там же. Д. 11811. Л. 3.
- ²³ Там же. Д. 11810. Л. 20–21 об.
- ²⁴ Протокол заседания 1-й областной партийной конференции 15 марта 1922 г. Петрозаводск: 1-я областная типография КТК, 1922. С. 70.
- ²⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11810. Л. 20–21 об.; Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–13; Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.
- ²⁶ Протокол заседания 1-й областной партийной конференции 15 марта 1922 г. С. 1–75.
- ²⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 19. Л. 129.
- ²⁸ Там же. Д. 22. Л. 10.
- ²⁹ Там же. Д. 28. Л. 7 об., 16.
- ³⁰ Там же. Д. 10. Л. 33.
- ³¹ Там же. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11811. Л. 36.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Б у т в и л о А. Карельская трудовая коммуна. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011. 235 с.
2. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г. I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 11–18 февраля 1921 г.: Протоколы. Петрозаводск: Карелия, 1990. 271 с.
3. Карельская трудовая коммуна: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Версо, 2020. 510 с.
4. К и л и н Ю. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. 275 с.
5. К у д ж и е в В. Карельская Трудовая Коммуна. Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск, 1970. 110 с.
6. Л е в к о е в А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Препринт. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 28 с.

7. Левкоев А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923 гг.) // *Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи*. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1995. С. 24–50.
8. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: Сборник документов. М., 2017. 502 с.
9. Эдвард Александрович Гюллинг – первый руководитель Советской Карелии. Петрозаводск: Periodika, 2020. 699 с.
10. Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1970. 217 s.
11. Holsti K. J. Suomen ulkopoliittikka suuntansa etsimässä vuosina 1918–1922. Helsinki: Tammi, 1963. 266 s.
12. Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritykset Suomen ulkopoliittikassa vuosina 1918–1920. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1961. 356 s.
13. Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. *Bibliotheca historica* 60. Helsinki: SKS, 2000. 402 s.
14. Kangaspuro, M. Finnish project: Karelian Workers' Commune // *Victims and Survivors of Karelia. Special Double Issue of Journal of Finnish Studies*. 2011. Volume 15. Numbers 1&2. November. P. 40–49.
15. Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. II. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1971. 385 s.
16. Yläraakkola A. Edvard Gylling Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki: Otava, 1976. 376 s.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 16.04.2021

Original article

Aleksii A. Levkoev, Cand. Sc. (History), Independent Researcher
(St. Petersburg, Russian Federation)
lea1991@mail.ru

“FINNISH FACTOR” IN THE FORMATION OF KARELIAN AUTONOMY

Abstract. In early June 1920, on the initiative of a notorious “Red Finn” Edward Gylling, supported by the top leadership of the Soviet state, the Karelian Labor Commune was established as part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) in the Karelian and Finnish border areas of the Olonets and Arkhangelsk provinces. It existed until the end of July 1923. This stage of Karelia’s autonomy, characterized in historiography as the stage of its formation, is well-studied, however a number of important issues require some clarification and expansion, as well as, perhaps, a certain shift in emphasis. One of these issues, raised in this article, is related to the goals pursued by Gylling and his associates while participating in the creation and management of the Karelian Labor Commune. Other issues discussed in this article concern the alternative options of Karelian autonomy and the related power struggle between the “Red Finns” and the representatives of the local, mainly Olonets-based, Soviet and party bureaucracy.

Key words: Finnish factor, Red Finns, Karelian autonomy, Karelian Labor Commune, KLC, Gylling, Kudzhiev

For citation: Levkoev A. A. “Finnish factor” in the formation of Karelian autonomy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.619

REFERENCES

1. Butvilo, A. Karelian Labor Commune. Petrozavodsk, 2011. 235 p. (In Russ.)
2. All-Karelian Congress of Karelian Workers' Representatives. 1–3 June, 1920. The First All-Karelian Congress of the Councils of Workers', Peasants' and Soldiers' Deputies. 11–18 February, 1921: Minutes. Petrozavodsk, 1990. 271 p. (In Russ.)
3. Karelian Labor Commune. Collection of documents and materials. Petrozavodsk, 2020. 510 p. (In Russ.)
4. Kilin, Yu. Karelia in the politics of the Soviet state. 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 275 p. (In Russ.)
5. Kudzhiev, V. Karelian Labor Commune. Memories of a member of the Revolutionary Committee. Petrozavodsk, 1970. 110 p. (In Russ.)
6. Levkoev, A. National linguistic policy of the Finnish leadership of Soviet Karelia (1920–1935). Petrozavodsk, 1992. 28 p. (In Russ.)
7. Levkoev, A. Finnish communist emigration and the formation of Karelian autonomy within the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) (1918–1923). *Socio-political history of Karelia in the XX century. Essays and articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 24–50. (In Russ.)
8. Russia and Finland: from confrontation to peace. 1917–1920: Collection of documents. Moscow, 2017. 502 p. (In Russ.)
9. Edward Aleksandrovich Gylling – the first leader of Soviet Karelia. Petrozavodsk, 2020. 699 p. (In Russ.)
10. Churchill, S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Porvoo; Helsinki, 1970. 217 s.
11. Holsti, K. J. Suomen ulkopoliittikka suuntansa etsimässä vuosina 1918–1922. Helsinki, 1963. 266 s.
12. Jääskeläinen, M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritykset Suomen ulkopoliittikassa vuosina 1918–1920. Helsinki, 1961. 356 s.
13. Kangaspuro, M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. *Bibliotheca historica* 60. Helsinki, 2000. 402 s.
14. Kangaspuro, M. Finnish project: Karelian Workers' Commune. *Victims and Survivors of Karelia. Special Double Issue of Journal of Finnish Studies*. 2011. Volume 15. Numbers 1&2. November. P. 40–49.
15. Polvinen, T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. II. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. Porvoo; Helsinki, 1971. 385 s.
16. Yläraakkola, A. Edvard Gylling Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki, 1976. 376 s.

Received: 25 January, 2021; accepted: 16 April, 2021